

Глядя на него, можно было подумать, будто именно он здесь хозяин. Чжао Синчуань хмуро уставился на гостя, но юноша совершенно его игнорировал. Он мерно, ложка за ложкой, отправлял в рот кашу, смакуя её с таким сосредоточенным видом, словно перед ним стояли редчайшие деликатесы.

Аппетит у парня был отменный, и Чжао Синчуань почувствовал, как в его собственном желудке сиротливо заурчало. Он подошёл и сел напротив Чжоо Чэня. Юноша тут же отложил ложку и с преувеличенной заботливостью налил ему полную пиалу, пододвинув поближе.

— Попробуйте, Генеральный директор Чжао!

От фарфоровой пиалы поднимался пар. Выглядело варево, прямо скажем, неказисто: какая-то липкая, глянцевая рисовая жижа с вкраплениями мелко порубленной пекинской капусты.

Он уже собирался язвительно осведомиться, что за свиное пойло приготовил Чжоу Чэнь, как вдруг пряный аромат перца и нежная сладость капусты, поднявшись вместе с паром, ударили ему в нос. Чжао Синчуань тут же предательски громко заурчал. Заготовленная колкость так и застряла в горле.

Выглядело не слишком аппетитно, но пахло потрясающе.

Чжоу Чэнь никогда не упускал возможности поглумиться. Услышав этот утробный раскат грома, он с нескрываемой усмешкой воззрился на Чжао Синчуаня. Наблюдая, как мужчина стремительно краснеет, юноша мягко проговорил:

— Ну же, ешьте. Не стоит морить себя голодом.

Чжао Синчуань и сам не понимал, что с ним творится. Он не сделал ровным счётом ничего из того, что следовало. Ему полагалось бы возмутиться бесцеремонностью Чжоо Чэня и выставить наглеца вон — благо хорошее воспитание уберегло бы его от откровенной ругани.

Уж точно не следовало вот так запросто сидеть за одним столом и уплетать стряпню этого проныры.

А каша оказалась на удивление нежной и сытной. Чжао Синчуань никогда не пробовал ничего подобного — он и подумать не мог, что рисовый отвар делают солёным. Сам он вырос в Суйяне, где все блюда имели сладковатый привкус, а в обычную пшённую кашу за завтраком испокон веков добавляли добрую ложку мёда.

К тому же он зверски проголодался, так что пиала опустела в мгновение ока. Чжоо Чэнь к тому времени вовсе уплетал вторую порцию. Чжао Синчуань отложил ложку — не потому, что было невкусно, просто он быстро насытился.

Он с недоумением разглядывал юношу, который продолжал уплетать кашу за обе щеки. Как в таком худом теле умещается столько еды? На вид — кожа да кости, а силища вчера была недюжинная. Откуда она только берётся?

Чжоо Чэнь ел вполне аккуратно, но невероятно быстро — словно трансляцию какого-нибудь едока включили на полуторной скорости. Так и подмывало сказать: «Да не спеши ты, никто у тебя не отбирает».

Впрочем, скажи он это вслух, парень наверняка пропустил бы замечание мимо ушей.

Наконец юноша остановился, сыто облизнул губы и с кошачьей тоской заглянул в пустую кастрюлю.

Вскинув голову, он наткнулся на ошарашенный взгляд Чжао Синчуаня.

Чжоо Чэнь лишь закатил глаза, ни капли не стыдясь того, что в одиночку приговорил почти всю кастрюлю. Правда, в животе уже появилось неприятное чувство тяжести, заставившее его мимолётно пожалеть о собственной жадности.

Но когда наступит время следующего обеда, он без колебаний набьёт желудок до упора снова.

В деревне семьи Ян, хоть готовил всегда он сам, досыта наестся ему никогда не удавалось. Янцзячжай находилась в глухомани, и в неурожайные годы их доходы стремились к нулю. Почти все деньги уходили на бесконечные лекарства для Ян Кая, а на продукты оставались сущие гроши.

Жили они лишь тем, что приносили две му земли, которую Чжоо Чэнь возделывал вместе с Фан Цюфэнь, да куры-несушки в старом загоне.

В детстве Чжоо Чэнь часто ловил себя на мысли, что эти куры живут куда счастливее его. По крайней мере, у них всегда водились подгнившие капустные листья и кукурузная сечка, а их корм стоил всего пару юаней за цзинь.

До окончания средней школы Чжоо Чэнь обедал в столовой — до самой школы нужно было топать пешком два часа. Обед стоил три юаня: водянистое овощное рагу и огромная миска лапши или риса. Кормили там отвратительно, но он всегда вылизывал тарелку подчистую.

Просто потому, что дома ужинать ему не давали.

Лишь в пору осенней страды, когда от него требовалось всю ночь напролёт чистить кукурузные початки, Фан Цюфэнь соизволяла оставить ему одну грубую пресную булочку-маньтоу.

Вот почему любая еда, оказывавшаяся перед Чжоо Чэнем, исчезала без следа. Он привык съедать всё.

Даже теперь, когда никто больше не собирался вырывать кусок у него изо рта.

Чжоо Чэнь удовлетворённо вздохнул и перевёл взгляд на Чжао Синчуаня.

— Одолжи мне какую-нибудь одежду.

Чжао Синчуань нахмурился. Наглость этого парня не знала границ.

— Зачем?

Чжоо Чэнь достал телефон, открыл одну из строчек в трендах Вейбо и с ухмылкой зачитал:

— «Исполнительный директор группы компаний „Горы и Реки“ посреди ночи увёз к себе тайного спутника. Фотоподтверждение прилагается».

Он развернул экран к Чжао Синчуаню, давая тому возможность рассмотреть публикацию одного из бульварных пабликов. Хотя снимок сделали со спины, качество оказалось отличным. Любой, кто хоть раз видел Чжао Синчуаня, без труда узнал бы его по осанке. На фото мужчина придерживал за плечи Чжоо Чэня, одетого в приметный тёмно-красный свитер и джинсы.

Если он выйдет из подъезда в той же одежде, в которой пришёл вчера, его непременно заснимут караулящие на улице папарацци, а то и вовсе устроят слежку.

И тогда новость о том, что уважаемый Чжао Синчуань притащил к себе домой ресторанного певца, мгновенно разлетится по всем СМИ.

Чжао Синчуань внимательно посмотрел на Чжоо Чэня, и по его спине пробежал холодок.

События прошлой ночи вдруг показались ему детально спланированным заговором.

Впрочем, здравый смысл подсказывал, что юноша не мог этого подстроить — у него попросту не хватило бы связей и веса.

Синчуань разглядывал его безмятежное лицо и думал:

"С этим человеком лучше больше не связываться. Нужно держаться от него как можно дальше"

— Хорошо.

Главное — поскорее спровадить этого нарушителя спокойствия. Они вращаются в слишком разных кругах, так что шансы встретиться вновь ничтожно малы — разумеется, если сам он не станет искать этой встречи.

Но почему-то на душе у Чжао Синчуаня сделалось тоскливо. Ведь по отношению к Чжоо Чэню он...

Он мысленно отшатнулся от собственной догадки.

"Никаких чувств у меня к Чжоо Чэню нет и быть не может"

Просто глаза парня удивительно напоминали взгляд Цзян Минъи. Только из-за этого сходства он и проявил к нему интерес. Единственным человеком, сумевшим разбудить его сердце, был и оставался Цзян Минъи. Возможно, Синчуаню просто отчаянно хотелось вернуть те времена, когда он сам ещё умел искренне радоваться жизни.

Ведь после отъезда Сяо И его существование превратилось в пресную, серую рутину. Будто он перестал жить, а лишь отбывал положенный срок.

Он порывисто поднялся из-за стола.

— Иди за мной. Переоденешься и сразу уходи. Возвращать вещи не нужно.

Чжоо Чэню не требовалось много времени, чтобы уловить скрытый смысл этой фразы.

"Какой же он пугливый, — усмехнулся про себя юноша. — Стоило слегка посягнуть на его неприкосновенность, как он тут же бросился наутёк"

А ведь прошлой ночью именно Чжао Синчуань получил больше всего удовольствия. Сначала ломался, а под конец вел себя так, словно ему на палочках подносили самый лакомый кусочек.

Лицемер.

Впрочем, удерживать его силой Чжоо Чэнь не собирался. Если пугливый кролик так хочет сбежать — пусть бежит. Ему самому достаточно стоять на месте и крепко сжимать в руке натянутый поводок.

Слегка улыбнувшись, он последовал за хозяином дома в гардеробную. Чжоо Чэнь ожидал увидеть классическое обиталище киношного магната: бесконечные вешалки со строгими

двойками, идеально отпаренные брюки и стройные ряды шёлковых галстуков.

Однако стоило ему переступить порог, как все шаблоны с треском рухнули.

Чжао Синчуань опомнился и резко развернулся, намереваясь выставить Чжоо Чэня за дверь, но было поздно.

Целая стена, от пола до потолка завешанная пушистыми плюшевыми пижамами самых немислимых фасонов, предстала перед гостем во всей красе. Юноша ошарашенно замер, переводя взгляд со спальных костюмов на хозяина дома. Чжао Синчуань почувствовал себя так, словно его застигли абсолютно нагим. Он мгновенно густо покраснел.

— Выйди! Я сам вынесу тебе вещи!

Он бесцеремонно вытолкнул опешившего юношу в коридор и защелкнул дверь, после чего обессиленно прислонился к прохладному дереву, пытаясь прийти в себя.

С той стороны донёсся тихий, приглушённый смешок. Словно угадав, что хозяин квартиры стоит прямо за дверью, Чжоо Чэнь негромко произнёс:

— Чжао Синчуань, чего тут стыдиться? Твои пижамы очень даже милые.

Синчуань вздрогнул. Он впервые слышал собственное имя из уст Чжоо Чэня. В груди сладостно защемило, сердце забилося чаще, но мысли внезапно прояснились. Он наконец нашёл в себе смелость признаться самому себе:

"Этот парень действительно заставил моё сердце биться быстрее"

И дело было далеко не только в его глазах.

Конечно, говорить о любви или глубокой привязанности было бы глупостью. Это мимолётное влечение — не более чем обычный гормональный всплеск. Когда страсть утихнет, розовая пелена спадёт, и перед ним предстанет суровая реальность.

Выбрав простую белую рубашку и брюки, Чжао Синчуань глубоко вздохнул и вышел из гардеробной.

Чжоо Чэнь послушно ждал снаружи, привалившись спиной к стене. Заметив хозяина квартиры, он выпрямился и лукаво улыбнулся:

— Чжао Синчуань, я ведь серьёзно, твои пижамы...

Чжао Синчуань сухо протянул ему вещи:

— Держите, господин Чжоо.

Юноша на мгновение осёкся, но его улыбка сделалась ещё шире:

— Премного благодарен, Генеральный директор Чжао.

Они словно вернулись к официальному тону, стирая ночную близость. Юноша зашёл в ванную, скинул махровый халат и примерил брюки с рубашкой.

Он прекрасно понимал, что это вежливое «господин Чжоо» было для Чжао Синчуаня жирной точкой в их недолгой истории. Чжоо Чэнь оглядел своё отражение в зеркале. Бледное лицо, чётко очерченные губы, застывшие в вечной полуулыбке. Вот только взгляд оставался колким и равнодушным.

Из-за этого он всегда казался насмешливым — безумно привлекательным, но совершенно чужим.

Да он и сам прекрасно знал, что его характер далёк от идеала.

Желание Чжао Синчуаня поскорее выставить его за порог было вполне естественным. Какими бы ни были изначальные мотивы этого господина, в итоге он остался ни с чем, да ещё и оказался в дураках. Разумеется, теперь он хотел поскорее замять дело. Все те крупницы нежности и симпатии, что промелькнули между ними, он только что безжалостно перечеркнул.

Но неужели Чжоо Чэнь был тем, кого можно поманить пальцем, а потом выбросить за ненадобностью, точно преданного щенка?

Он с вызовом сощурился, глядя на своё отражение.

"Пока игра мне не наскучила, Чжао Синчуань, у тебя нет права выходить из неё"

Разве можно так легко упустить добычу, которая сама пришла в руки?

Расправив воротник чужой рубашки, Чжоо Чэнь принялся собирать свои вещи.

Из кармана его джинсов на кафельный пол выскользнули бордовая визитка и смятая долговая расписка. Подняв их, он на мгновение задумался. Карточку Тао Цзинчжу он без сожаления отшвырнул в угол под раковину, а вот расписку бережно спрятал обратно в карман.

Свернув свою одежду, юноша вышел из ванной.

Чжао Синчуань уже ждал его в гостиной. Он успел сменить домашний вид на безупречный деловой костюм-тройку, аккуратно зачесал волосы и теперь выглядел так, будто через минуту должен был возглавить международную конференцию.

На журнальном столике лежал пустой бумажный пакет для вещей, а на спинке дивана сиротливо висел шерстяной пиджак.

"У него вообще есть в шкафу нормальная одежда, кроме этих доспехов?" — мысленно усмехнулся Чжоо Чэнь.

Но тут же перед глазами возникла стена, увешанная плюшевым безумием. Если зрение его не обмануло, среди вешалок пряталась даже пижама с длинными заячьими ушками на капюшоне.

Этот человек сочетал в себе несочетаемое. С одной стороны — чопорный сухарь, с другой — на удивление забавный парень.

То ласковый и заботливый, то пугающе отстранённый.

Ночью сам пришёл к нему в постель, а наутро строит из себя незнакомца.

Он подошёл к столику, аккуратно уложил свои вещи в пакет и приподнял его за ручки.

— Генеральный директор Чжао, вы невероятно предусмотрительны. Благодарю.

Чжао Синчуань постарался пропустить мимо ушей его интонацию, гадая, чего в ней больше — сарказма или задетого самолюбия.

— Накинь пиджак и можешь идти.

Но Чжоо Чэнь даже не прикоснулся к нему.

— На улице не так уж и холодно, обойдусь, — он застенчиво улыбнулся. — А то в твоих вещах я выгляжу так, словно тайком нацепил одежду старшего брата. Смешно же.

Он развернулся и направился к выходу. Входная дверь негромко хлопнула, оставив Чжао Синчуаня наедине с гнетущей тишиной огромной квартиры.

В пустой прихожей всё ещё витал его негромкий прощальный голос:

— До свидания, Генеральный директор Чжао.

Мужчина прошёл в ванную, собираясь сбрить едва проступившую щетину. Закрывая за собой дверь, он случайно заметил в углу у плинтуса маленький прямоугольник плотной бумаги.

Он наклонился, поднял находку, и его сердце на секунду пропустило удар.

На бордовом картоне чётко читалось имя:

"Тао Цзинчжу"

Это имя было ему слишком хорошо знакомо. В светских кругах Суйяна о Тао Цзинчжу ходили легенды. Влиятельная дама средних лет обожала окружать себя молодыми любовниками и баловаться вещами, о которых не принято говорить в приличном обществе. Впрочем, её смазливые содержанцы шли на это абсолютно добровольно.

Она платила щедро, не скупясь на дорогие подарки и роскошную жизнь.

Проще говоря, все её фавориты шли к ней исключительно за деньгами.

"Чжоо Чэнь..."

Синчуань горько усмехнулся. Всё встало на свои места. Значит, этот парень действительно из их породы — дешёвка, готовая продать себя первому встречному за пачку хрустящих купюр.

"Иначе зачем молодому, здоровому парню опускаться до такого скотства? Только потому, что это самый простой способ заработать?"

На душе у Чжао Синчуаня стало невыносимо паршиво, у него заложило в висках. Перед глазами всё ещё стоял образ Чжоо Чэня в строгой белой рубашке и брюках. В этой одежде он выглядел на удивление скромно, точно примерный студент, только-только покинувший университетские стены.

Ему это чертовски шло.

"Если бы только он действительно был таким..."